

83.3P7

Н52

Памяти поэта
Н. НИКОЛАЕВСКОГО

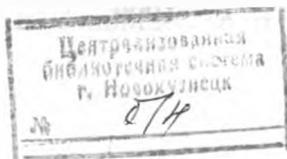
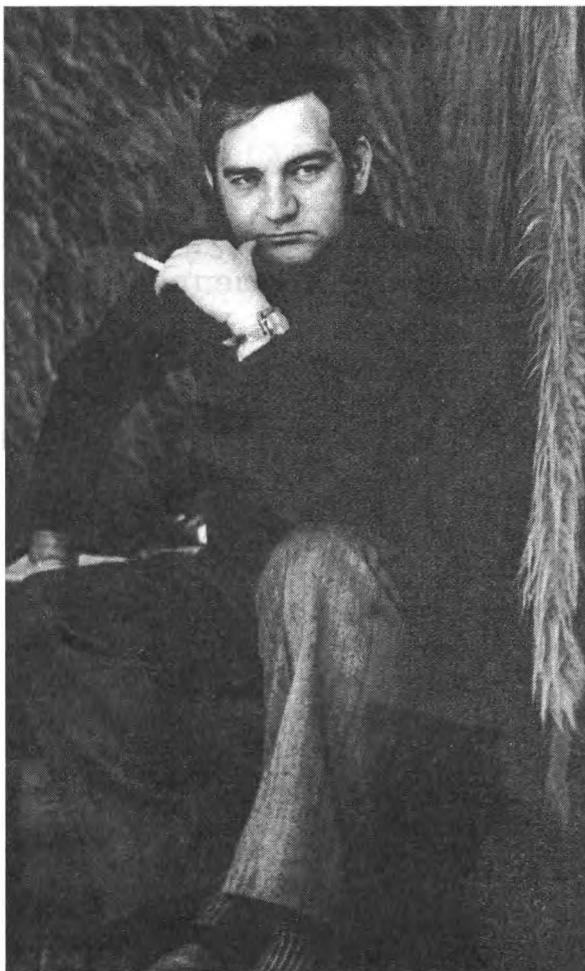
**НЕОКОНЧЕННЫЙ
ДИАЛОГ**

на
17 июля, 2009

Финансовый и.и. Король
на тему о вакцинах гриппа

А. К.
Т. Уваров

Посвящается безвременно ушедшему из жизни кузбасскому поэту, заместителю редактора газеты "Горняцкая солидарность" Николаю НИКОЛАЕВСКОМУ к годовщине со дня смерти

К 52

Авторы благодарят Новокузнецкий территориальный Совет углепрофсоюза и лично председателя П. И. Бухтиярова за содействие в выпуске данного сборника.

Новокузнецк
“Горняцкая солидарность”
1999

Петр БУХТИЯРОВ,
председатель Новокузнецкого теркома углепрофсоюза

ТЫ В ЭТОМ КОЛЛЕКТИВЕ НЕ ЗАБЫТ

Новокузнецкая территориальная организация углепрофсоюза объединяет в целях защиты профессиональных прав наемных работников более 50 предприятий угольной отрасли, размещенных на огромной территории юга Кузбасса, охватывая гг. Новокузнецк, Осинники, Малиновку, Междуреченск, Мыски. Месяцами нам, руководителям терсовета, не приходится бывать в организациях. Мы задумались над тем, что должно нас объединять, что должно быть главной артерией, соединяющей нас с профсоюзными организациями. И решили, что терсовету надо иметь свою массовую газету - "Горняцкая солидарность". Мне как руководителю терсовета представили Николая Михайловича Николаевского. Он тогда пришел устраиваться к нам на работу.

В народе говорят, что после первой встречи выводов о человеке делать нельзя, с ним вместе надо съесть пуд соли. А первое впечатление о Николаевском было такое: он настолько спокойный и незаметный, что и говорить вроде не может, а уж писать, наверное, тем более.

И вот первые страницы газеты, где его осмысленные, впечатляющие репортажи. Абсолютно безошибочные выводы и решения конференций, митингов, съездов. Он никогда не хныкал, не обижался на жизнь. С оптимизмом смотрел впе-

ред. Он очень любил свою профессию журналиста. Я всегда был уверен в том, что если Николаю Михайловичу дано задание написать о трудовом коллективе, конкретно о простом рабочем или о председателе профсоюзной организации, то он обязательно выполнит задание редактора газеты. Материал будет живым и читабельным.

Он очень любил свою дочь Ксюшу и часто с большой отцовской нежностью говорил о ней, всегда стремился, где бы ни был, быстрее попасть домой. Он отработал в нашей редакции уже не один год. И вот я узнаю, что Коля пишет стихи, да какие!..

Встречаюсь с ним: “Николай Михайлович, подари книгу стихов, говорят, что ты ее выпустил”.

Он немного смутился и говорит: “Какая книга, небольшая книжечка”.

И на завтра вручил мне этот подарок со своим автографом. Было это 6 июня 1994 года. Я храню эту книжечку в своем рабочем кабинете, часто достаю и перечитываю его стихи. И мне кажется, что мы сидим вдвоем и беседуем о его будущей статье в газете.

Перед мраком Вселенной немея,
Но не пряча взыскующий взгляд,
С недопетой судьбою своею
Неразрывные люди стоят.
Срок - всему. Станешь гордою птицей,
Где жилье - там гнездо, где жилье...
Как не хочет со смертью мириться
Бесконечное сердце твое!

Нет, дорогой Николай Михайлович, пока мы живы, пока жив наш профсоюз, пока живет и работает редакция и выходит наша газета “Горняцкая солидарность”, ты в этом коллективе не забыт.

Виктор БОКИН,
член Союза писателей России

НЕОКОНЧЕННЫЙ ДИАЛОГ

ПАМЯТИ ДРУГА

Н. Николаевскому

1

Уменье жить не пригодилось
И отвергалось, как тщета.
Уменье жить - одним как милость,
Другим - пустая маета.

Я вижу - снежная равнина
Окаймлена сосновым бором.
Душа, конечно же, ранима.
Но шрамы не грозят позором.

Грозят бессонницей и жженьем,
Чем беспощадней - тем верней,
Грозят безудержным круженьем
В просторах Родины моей.

2

“...И к тебе придет беда,
Но останется звезда”.

Н. Николаевский

На белом - изгородь пунктиром.
И сладковатый вкус дымка...
Поговорить отдельно с миром.
И помолчать издалека.

И все острее, все тревожней,
Все безнадежней, все нежней
О друге думать, что не дожил
До этих белоснежных дней.

Глухою ночью - через сенцы -
Да на морозное крыльцо,

Рукой придерживая сердце,
А может, просто пальцецо.

Все вглядываться в тьму ночную,
Искать заветную звезду...
Я тут немного потоскую
И все равно к тебе приду.

3

“...Мы молоды, мы смотрим беспечно,
А если уж печально, то вдвойне”.

Отпечатки. 1980 г.

Н. Николаевский - В. Бокину

Дорога в гору, в гору, в гору...
Потом под гору. Но слегка.
Дорога к другу, к другу, к другу
Так непосильно далека.

Вокруг лишь камень да железо
Да чахлые ряды берез.
Душа, скрипящая протезом, -
Но нет их, нет! проклятых слез.

Есть бесполезная сорока
Да непонятная строка,
Пришедшая до слез, до срока
Откуда-то издалека.

Есть слабость, что страшнее силы,
Как захлестнувшая петля.
Есть памятник и есть могила -
Все, что дала ему земля.

Я над тобой стою склоненный,
Мне теплой не подать руки...
Ты там алмазом ограненным -
Я здесь чернею от тоски.

Сошлись на сердце лед и пламень.
И все в тебе, и все во мне.
Пусть мы сухим рыданием плачем,
Но, сжавши зубы, также платим
Вдвойне, вдвойне, вдвойне, вдвойне...

4

“Пугает не участь, а знание пути...”
Круг. 1993 г.

Н. Николаевский - В. Бокину

Что такое судьба -
Это суть бытия?..
Или сусла хмельная закваска?
А, быть может, судьба -
Это суд и гульба?..
Это душ опрокинутых краска?
Только химий химеры
и тут подвели. -
Я махнул на судьбу обреченно...
Сколько светлых, прекрасных
мы душ извели!
Ну, а судьбы все - черные...
черные...

5

Я живу - между явью и явью.
Я живу - между смертью и смертью.
А еще - между мной и тобой...
И теперь, если можно, ответьте:
Я - живой? И я есть ли на свете?.. -
Или только живет моя боль?

6

У горя нет конкретных черт.
Здесь все размыто, все в тумане...
Нас учит Бог иль кружит черт? -
И только смерть нас не обманет.

Она придет, все карты - разом!
Пожитки на фиг собирать.
И мутится вчерашний разум -
Затменье? Вспышка? Благодать?

Конечно, доля любопытства...
Но мы уже судить не вправе.
И, укорачивая пытку,
Ты ждешь меня на переправе.

Ты прост в общении с Хароном.
Он понимает, что к чему:
Мы каждый день себя хороним,
Спеша к тебе по одному.

Осинники - мертвое дерево.
Новокузнецк - железный город.
Костенково - душелечебница.
Соколуха - мать ветров.
1998 - 1999 гг.

* * *

Прошедший год для меня был вообще полон всякой чертовщины: доносы, подлоги, предательства... Но все это - чушь собачья.

Самое удивительное, самое невообразимое, что в ночь на 20-е мая 1998 года (а я "сова" по натуре) я чувствовал себя просто великолепно: я читал, что-то делал, бодро маршрутировал за чаем на кухню...

...И в это время умирал Коля. Как я мог не почувствовать? Как!

Когда-то мы с ним учились даже в одной школе - 41-й. Но разница в два года - я старше - дала себя знать. И поэтому познакомились мы, когда ему было уже восемнадцать.

К нам на "Гренаду" (городское литературное объединение) пришла группа "Родник" из педагогического института. Это было в начале 1967 года. Тут же, разобравшись, они все вошли в нашу команду.

Так в "Гренаде" появились Валерий Зубарев, Анатолий

Балакай, Жанна Брагинская, Геннадий Литовченко... И, конечно же, Николай Николаевский.

Коля был самый молодой из них, да и из нас тоже. Но поражал своей серьезностью, любопытством к делу и безусловной порядочностью.

Вот, написал... Все это так - да не так. Все это, конечно, важно. Но, вероятно, уже тогда чувствовалось, что это человек, мыслящий поэтически, сопереживающий, как поэт, и что участь его предрешена. Он довольно быстро влился в "основную группу". Да, это были товарищи. По-настоящему. Товарищи по литературе, по юности!

Но меня еще с ним не связывали годы.

Отказавшись от издания первой книжки (стихи на самом деле были незрелые), я в 22 года уезжаю с направлением Союза писателей "собирать материал для книги о мужественном и романтическом труде наших рыбаков-дальневосточников".

Эту незабываемую бумагу мне выправил и подписал Евгений Сергеевич Буравлев. Личность легендарная. Организатор и первый руководитель нашей областной писательской организации. Он же - и редактор моей первой несостоявшейся рукописи. Светлая ему память! И вечная моя благодарность за внимание к сопляку, за доброе слово.

Но пора вернуться к Николаю... А вернулся я только через четыре года. И, "как не оправдавший доверия", - я так сам считаю - "ушел в подполье".

О моем возвращении в Новокузнецк знает только Коля. Мы с ним встречаемся... Мальчишество? - Но за два года он никому не проболтался.

Что вспоминать? Здесь много и личного. И кому это нужно?

Но - тридцать с лишним лет бок о бок.

Коля - философичен, добр. Я - азартен, прямолинеен. Но что удивительно... Вспоминаю, вспоминаю... - Мы никогда не спорили. Нас интересовало все в этой жизни, мы говорили, говорили... дополняя и убеждая друг друга. Каждое, даже маленькое открытие одного становилось открытием другого.

Мы “принюхивались” к стихам, вместе перепроверяли свое поэтическое чутье.

Вместе работали над его и моей первыми книжками, раскладывая листы по полу, перетасовывая их, придумывая названия.

На фронтисписах первых двух книжек Николая его портреты выполнены в “интерьере” моей халупы. Их сделал наш общий товарищ, известный фотохудожник Николай Бахарев. Сколько общего у нас было!..

В 1974 году я посвятил Николаевскому стихотворение “Все снега ждет, все ждет зимы...”.

Коля мне ответил в своей тогдашней газете “Металлургстрой” стихотворением “Перед грозой”.

Потом он написал и посвятил мне триптих “Отпечатки”. Два стихотворения из него опубликованы в 1983 году в альманахе “Огни Кузбасса” (третье “зарубила” цензура).

Где-то в 1993 году Николай посвятил мне, а точнее - прямо адресовал, одно из лучших своих стихотворений “Круг”. И назвал так свою третью книгу.

А я все вкалывал на Запсибе. С возрастом мне становилось все труднее... И Коля, с его журналистским кругозором, приносил мне газеты и журналы с интересными статьями, советовал что-то почитать, что-то посмотреть. Диалог наш продолжался. Он и сейчас продолжается. Но порой мне кажется, что мои горизонты без Николая сузились до оконной решетки.

“До оконной решетки...” Да, многое изменилось за эти годы. Удивительно: демократия, денег на культуру нет, а показухи еще больше, чем в советское время. В литературе местами запахло финансами (именно местами).

Отработав три горячих стажа, плюс морские, плюс армия, я наконец-то вышел на пенсию. И, в силу своего характера, сразу оказался в гуще литературной драки. Точнее, околотературной.

Коля же еще раньше по причине своей доброты и мягкости, оказался “не в то время и не в том месте”. Переживал это. Но друзья у него оставались те же.

Все чаще после работы он появлялся у меня со своим новым начальником, редактором газеты “Горняцкая солидарность” Валентиной Захаровной Началовой - умудренным, душевным человеком. Так было приятно посидеть в кругу своих...

Подходили к нам Валерий Червяков, Саша Бокин (мой брат), Коля Бахарев, Валерий Толстихин, Саша Раевский, Борис Васев, Геннадий Арсентьевич Емельянов...

Много хороших (и разных) людей видела моя квартира. И приходили, и приезжали, и прилетали.

В 1995 году в телевизионной передаче Александра Замогильнова “Девять муз” Николай Николаевский говорит буквально следующее: “...Бывает, что-то западет в душу, и не с ходу, не сразу выльется. А где-то лет через десять. Все это всплывет где-то в ходе работы, и - получается стихотворение. То есть каждое стихотворение - это чудо в своем роде”.

Все это мне, как поэту, близко и знакомо. Но все равно хочу, а, может быть, и должен поведать историю написания одного классически выдержанного стихотворения Николая Николаевского.

Стихотворение небольшое, и я не могу сдержаться, чтобы не привести его полностью:

Над печальной водой
Не играй морской звездой.
Ведь она звезда морская,
Ведь она звезда такая,
Что не светит и не ждет,
И надежды не дает.
Отпусти ее на волю,
Отпусти ее живую.
И к тебе придет беда,
Но останется звезда”.

Да... А история такая. Когда я вернулся с Дальнего Востока, Коля все расспрашивал, расспрашивал... И особенно его почему-то интересовали морские звезды. Я рассказал, что они не красные, а скорее всего, морковного цвета, снизу вообще желтовато-серого. Что шершавые. Что, попадаясь про-

мысловым рыбакам в сети, спутывают ячею. А работа есть работа, трал идет (или кошельковый невод), распутывать некогда, и приходилось эти звезды разрывать, растапывая резиновым сапогом...

Это поразило Николая. И не через десять, как он говорил в интервью, а почти через двадцать (!) лет Коля прочитал мне свое новое и, по-моему, прекрасное стихотворение:

“...И к тебе придет беда,
Но останется звезда”.

Трудно мне писать о Николае. Я и сейчас, когда пишу эти строки, останавливаюсь, сижу минутами, не в силах понять, что Коли уже нет, что его не будет.

Никогда еще жизнь так не сиротила меня.

Дней за двенадцать до смерти Коля зачастил ко мне. Он был в отпуске. Естественно (уже естественно), отпускных не давали. Мне задерживали задолженность по зарплате... Попивали жидкий чаек, разговаривали. Часа по четыре. Каждый день. Дня через три я ему сказал: “Коля, если ты надеешься, что я, получив деньги раньше, смогу тебя крепко выручить...” (Намекая на долги, на то, что, по возможности, я должен помочь матери и дочери). Коля обиделся: “Что, нельзя прийти просто как к другу?”

Мне это запомнилось - мы почти никогда не обижались друг на друга. Один день его не было. Потом наши посиделки продолжились еще дня три-четыре. Что-то его уже особенно мучило. Как я не разглядел!

Он исчез дней на пять. Вышел на работу. И эта трагическая командировка в Осинники...

Мы стояли у гроба - Емельянов, Раевский, Ябров, Зубарев. Лицо Николая было спокойным. Была заметна легкая, как всегда, чуть саркастическая улыбка. Он улыбался смерти в глаза. За последние годы он стал абсолютно седым. Абсолютно. В 49 лет.

Седина льдисто искрилась. Справа по седине еще тонко сочилась кровь: “Трепанация черепа... Сердце заштопали нитками” - так когда-то писал Леша Сербин.

Коля устал штопать свое сердце!

ПОСЛЕСЛОВИЕ:

Коля! Милый Коля...

Ты знаешь, что я никогда не писал никаких статей, ни воспоминаний (даже о Буравлеве). Это не статья - это ежедневный и еженощный (вот уже год!) разговор с тобой!

Единственно - я пытался объяснить людям, о чем мы с тобой разговариваем.

Не перечитывая, отдаю редактору. Надеюсь, что он не сильно будет нас учить, как писать, как жить...

И как умирать.

Твой Виктор.
10 мая 1999 года.

Виктор БОКИН

Н. Николаевскому

* * *

Все снега ждет,
Все ждет зимы.

И в парке холодно и строго.
И что-то есть в тебе от Бога.
Среди пустующих аллей
Рукою теплой, без перчатки,
Касаешься стволов печальных

И тихо шепчешь: - Не жалея...
Не мучься памятью тепла
И не проси ему продленья.
Пойми, вот и к тебе пришла
Нелегкая пора прозренья.

Когда среди вчерашних дел
Находишь грозные пустоты,
Пытливо спрашивая: - Кто ты?
И что в других недоглядел?

И строчки хочется слагать
Влекущие, как пламень дальний...

Мы входим в белые снега,
Как в чистоту
исповедальни.

1974

Николай НИКОЛАЕВСКИЙ

ОТПЕЧАТКИ

В. Бокину

1

Мы отпечатали стихи:
И все равно - черновики.
К строке единственной пробиться
Сквозь рябь житейскую и муть
Немыслимо. Так чем гордиться:
Устало искорку задуть?
Ах, легкость, легкость... Никогда
Ты в руки эти не давалась.
Лишь совесть мучила всегда,
Всегда с тобою оставалась.
Чистописанье не похвально.
К иной, глубинной чистоте
Идти сквозь ночь, а дальше - тайна.
А отблеск тайны - на листе.

2

...Согреется строка твоим дыханьем.
Ты в неуклюжей стройности своей
(Гармония вне схем и расписанья)
Моложе возраста на тридцать журавлей.
Здесь тридцать встреч и тридцать
расставаний.

Нам птичий крик понятен неспроста.
Крылатость - не судьба, а состоянье
Души и слова, вставшего с листа.
Слова, дела... Кто эти отпечатки
Приметит в нашем лете, тишине?..
Мы молоды, мы смотрим беспечно,
А если уж печально, то вдвойне.

1980

Николай НИКОЛАЕВСКИЙ

КРУГ

В. Бокину

Нечаянной грусти трепещущий лист
Под ветром ненастным, осенним.
За птицами следом леса собрались...
Куда нам лететь за спасеньем?
Нам надо учиться у гордой сосны,
Что падает твердою тенью
На наши туманные, ломкие сны
И нас пробуждает к спасенью.
Ничейные дети печальных отцов,
С нечетким движением к свету...
Цепляясь за них, выпускаем птенцов,
Стараясь направить по следу.
Но меркнут следы на земле и воде,
Читают их дурень и гений.
И вытянут в струнку летящий к звезде
Рольгангом земных притяжений.
Пугает не участь, а знание пути,
Предчувствие гроз и обвалов.
Но сердце не может гореть взаперти
И вырвется - против металла.
Противница долгих и тихих услад,
Покроется к сроку рубцами...
Не надо стеречься и стариться, брат,
В полет мы рванулися сами.
И листья резные, седые - взгляни -
Каленые, желтые - в круге.
Как нежно на землю ложатся они,
Сливаясь в священном испуге.

1993

**Валентина НАЧАЛОВА,
редактор газеты “Горняцкая солидарность”**

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

Помню, Колю впервые я увидела в редакции газеты “Металлургстрой”. Он мне показался каким-то странным. Другие сотрудники шутили, болтали, он в это время был увлечен работой и не обращал ни на кого внимания. Поговорить с ним у меня как-то не получалось. Не знала я тогда его и как поэта.

После окончания института отработала год в сельской газете - и сразу на такую грандиозную стройку, как Запсиб. Работала в газете “Металлург Запсиба”. Тогда, в 1967 году, и в последующие годы завод рос на глазах. И мне нередко приходилось писать в своей газете о строительстве того или иного объекта. С Николаевским мы встречались, здоровались, иногда перебрасывались несколькими словами, и только.

И вот однажды Валентина Тимофеева, с которой он долгое время работал вместе, предложила мне его кандидатуру.

- Да ты что?.. - отнекивалась я. - Колю не возьму.

- Зря ты, он хороший сотрудник и пишет много. К тому же зарплата у нас маленькая, да и газету, наверное, скоро закроют. Жалко парня, ты все же подумай, - убеждала она меня.

И так было при каждой встрече с Валентиной. А однажды в Новокузнецком полиграфкомбинате Николай подошел ко мне и предложил свою кандидатуру. И по тому, как он обратился ко мне, как был естествен, я поняла, что ему действительно нужно переходить в другой коллектив.

Начал он свою работу в газете “Горняцкая солидарность” с семинара и, к сожалению, закончил семинаром. Первый материал он написал дома. Готовить публикации дома было его привычным делом: творческие мысли к нему приходили по ночам, за чашкой кофе и непременно с сигаретой.

Тогда в его материал я внесла много правки.

- Ну, Валя, ты и прискребаешься, - так просто, безобидно сказал Коля.

Потом дело пошло получше, он поближе познакомился с новой и неизвестной для него шахтерской жизнью и профсоюзной работой.

Я знаю по себе, хотя приходилось работать в немногих газетах: приходишь в новый коллектив, и начинается все сначала, будто ты никогда и не работал в газете. А потом притираешься к коллективу, изучаешь его нравы и требования - и все пошло как по маслу.

Как заместитель редактора, он научился делать многое: вычитывать оригиналы, составлять макеты (мы работали без ответсекретаря), корректировать. Его бывшие сотрудники удивлялись: как это вдруг Коля занимается макетированием - у нас он ни за что за это не брался.

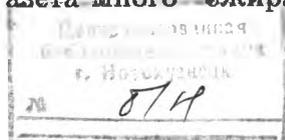
Коля, как газетчик, умел многое. Иногда мы с ним спорили, но особых разногласий не было. Я ему доверяла. В отпуск уходила спокойно, знала, что Коля не подведет. Правда, иногда были срывы, но не про то разговор.

Своим спокойным тоном он умирал мой гнев и успокаивал, когда что-то не клеилось. Я заводилась: "Вот сейчас пойду и все выскажу!".

- Не надо, Валя, подожди, все уладится. Ну, хочешь, я сам пойду, поговорю, - предлагал он.

Проходило немного времени, и все становилось на свои места. Я часто говорила ему: "Что бы я без тебя делала, Коля?". Но судьба распорядилась так, что пришлось теперь все беды и невзгоды принимать на себя. Часто, когда приходится делать выбор, вспоминаю Николаевского и мысленно спрашиваю его, как поступить в данном случае. Но в ответ - тишина. И приходится поступать так, как подсказывает мое сердце.

Часто Коля говорил: "Я поэт, а потом уже все остальное". До сих пор не могу себе простить, что на его "Я поэт" отвечала: "Ты сначала мне строчки гони, а потом свои стихи пиши!". Я, наверное, его всерьез обижала, но он не подавал виду. Так говорила не потому, что не люблю поэзию - сама когда-то пробовала писать стихи - виной всему была все та же напряженка. Газета много "сжирает" материала, только подавай,

а мы тогда с ним работали вдвоем. И Коля писал много и хорошо. Не было случая, чтобы он отказался от какого-либо задания. Любое дело было ему по плечу. Вот и тогда, в мае прошлого года, я сказала ему: “Поедешь на семинар”. И он поехал. Кто знал, что этот семинар будет для него последним, что вместо строчек утром 20 мая 1998 года мы получим из Осинников горькую весть о том, что Николай скончался в одной из больниц города, так и не придя в сознание?

О смерти он и не думал помышлять, собирался жить долго. Хотя бы ради любви к жизни, ради поэзии, ради дочери. Как он ее любил! Живя с ней вдвоем, старался накормить и одеть ребенка. Мечтал о том, что после окончания школы она поступит в институт. Он очень переживал, когда Ксения его обижала или он не мог по каким-либо причинам выполнить ее просьбу. Посвящал дочери стихи.

Коля живо откликался на горе и беды других людей. Всегда поможет, подскажет, посоветует. И не только близким знакомым и родственникам, а даже совсем чужим.

Часто приходили, да и теперь приходят к нам поэты-любители. Порой принесут - там и стихи-то не стихи.

- Отправь их, - говорю, - чего на них время тратишь?

Но нет, он каждого выслушает, объяснит, почему надо именно так писать. Собирался возродить в Новокузнецке лит-объединение “Гренада”, да бюрократия помешала: то с финансами вопрос не решался, то с помещением, то в Управлении культуры администрации города руководители менялись. Для него, человека, поэта, который несколько лет подряд вел это объединение, неосуществление мечты было большим ударом.

Его болезненно тревожило чужое горе. Помню, как он переживал, когда хоронили шахтеров шахты “Зыряновская”, погибших во время взрыва метана. Стоял лютой мороз, мы добирались до шахты своим ходом, а потом на автобусе с междуреченцами, приехавшими на похороны, - до Байдаевского кладбища. Людское горе невозможно было описать. Я видела, как Николай разговаривал с родственниками погибших, как “ходили” его желваки.

В последние месяцы жизни у Николая было какое-то непонятное поведение. Он был то задумчивым и серьезным, то раздражительным, то чрезмерно веселым и радостным. У него появилось до сих пор невиданное желание жить. Он начал ремонт в квартире. Надо было видеть, с каким азартом Коля подбирал обои, мы ходили с ним по магазинам, ему не нравились никакие, а однажды он приходит и говорит:

- Я купил обои.

Позднее он с радостью сообщал, что наклеил обои не только в зале, но и на кухне. “Хочу, чтобы все было цивильно”, - говорил он.

С величайшим удовольствием он занимался рыбками. Купил несколько аквариумов, набрал все необходимое для того, чтобы они чувствовали себя уютно и комфортно. Приглашал нас посмотреть на его любимую стихию. Мы подолгу наблюдали за тем, как разноцветные ловкие рыбки умело и виртуозно лавировали среди маленьких сказочных замков и замысловатой водоросли.

- Я же Рыба, - шутил Коля, - вот меня и тянет к ним.

По знаку зодиака Николай - Рыба. А Рыбы или глубоко нырнут и будут талантливыми, или плавают по поверхности. Николай принадлежал к первым. Его талант, безусловно, неоспорим.

В последнее время он все чаще говорил о том, что надо съездить на кладбище к его родителям и брату, а заодно проведать умерших поэтов и писателей, журналистов: Володю Петраша, Михаила Койденко и других. Но все как-то не находилось времени. А накануне Дня Победы Коля говорит:

- Давайте съездим все-таки на кладбище, - больше тянуть некуда.

Я ответила отрицательно:

- Понимаешь, Коля, у меня семья, боюсь, не поймут, что в праздничные дни отлучаюсь от близких людей.

Если бы я знала, что он так и не сможет постоять у могилы родителей, почтить память самых близких, непременно поехала бы. Да и он на следующий день сказал, что понимает меня и поедет с другом.

Мне стало немного грустно, что отказала в его просьбе, и вместе с тем радовало то, что он все же осуществит свою мечту.

Но после праздников Коля сказал, что на кладбище они так и не съездили. “Хотим съездить с тобой”, - добавил он.

- Конечно, без меня вы никуда, - отшутилась я.

Так наша мечта снова оказалась неосуществленной, и мы оставили свою затею до следующего раза. А этого раза не было. Коля не сам приехал к родным на кладбище, а его привезли на катафалке и положили рядом с родителями. Между могилами матери и отца вырос свежий глинистый бугорок.

За 15 дней до смерти Николая, 5 мая, в Доме творческих союзов отмечали День печати. Коля приглашал меня на праздник. Я отказалась. Он пошел с друзьями.

На следующий день приходит на работу и говорит:

- Зря ты, Валя, не пошла, знаешь, как весело было? Мы с Милей Калачиковой бальные танцы исполняли. У нее юбилей как раз был. Я даже не знал, что таким талантом обладаю. Всем понравилось. Знаешь, замучили вопросами: “Где Валя да где Валя? Я им и говорю: “Она одной ногой в могиле стоит””.

Я обиделась.

- Ты не сердись, это я чтобы больше не приставали.

Мы тут же помирились.

Не забудется и ярмарка “Уголь России”. Его там все интересовало: и шахтное оборудование отечественного и зарубежного производства, и выступления специалистов. Мы с ним принимали участие в брифинге журналистов. И там он задавал много вопросов коллегам из России и других стран. А потом мы сели за столик выпить чашку кофе. Вдруг он мне говорит:

- Валя, ты знаешь, как мне хорошо? Я себя чувствую таким счастливым! Это впервые в моей жизни. Я свободен, дочь со мной, жить стал в достатке.

Я тогда пыталась понять, в чем его счастье, свободен он

или одинок. Так и не нашла ответа. Через несколько дней Коля не стало.

Мы часто заходили в гости в Союз писателей и журналистов к Борису Рахманову, к новокузнецкому поэту Виктору Бокину. Беседовали обо всем, читали стихи, спорили... С Колей было приятно поговорить, он умел выслушать собеседника, даже если не соглашался с ним, а потом культурно поправить его. Правда, иногда был резок, в спорах отстаивал свою точку зрения.

У нас коллектив небольшой, часто к нам заглядывали работники Юра Осадченко, Николай Зорин и другие. Мы обсуждали очередные номера газеты. Юра горячился, выкладывал свои идеи, а Коля молчал. Потом говорил:

. - Не спешите, надо подумать, - это было его любимым изречением. Нам становилось тесно обсуждать все проблемы в рабочем кабинете, мы шли на улицу и еще долго бродили там по свежему воздуху.

Особенно Коля любил ходить по улице зимой, нравилась ему метель. У него даже есть такое стихотворение:

МЕТЕЛЬ

Ветер сбивал, валил,
Сколько в нем было сил.
Сколько в нем было зол!
Я против ветра шел.
И не видал ни зги.
И не видал огня.
Ветер шел на меня,
Словно мы с ним враги,
Словно мы с ним родня.
Вот мы и обнялись.
Так, что кости трещат!
Голову клонит вниз,
Относит шаги назад.
Во поле снег столбом,
Где он, к спасенью путь,
Где он, зеленый дом,

Чтобы забыть, уснуть!?
Где оно, что-нибудь?
Сколько ж идти наугад,
Сколько таранить стен,
Видя, как юный сад
Выдохся и опустел!?
Душу овчаркой пустить -
Взять человеческий след.
Вот уж глаза пусты,
Вот ничего уж нет.
Видишь - надменная высь,
Как в снеговой грязи
Кружит воронкою лист,
Он - человек - вблизи.
Стянет суставы лед,
Скрутит, как лебеду.
...Солнце меня найдет,
Если не упаду.

Мне отлично запомнилось 19 мая 1998 года. Порывистый ветер, снег, метель. Коля поехал в Осинники на задание. Я завершила работу над выпуском очередного номера газеты, вышла на улицу, чтобы отнести оригиналы в полиграфкомбинат, сдать в набор. Через несколько минут под колючим, холодным ветром продрогла до косточки. Посочувствовала в мыслях Николаю: простынет ведь. Но, как назло, долго не было ни автобуса, ни трамвая. Наконец появился транспорт, добралась до полиграфкомбината, сдала оригиналы, пришла домой и вечером, ни о чем не подозревая, легла спать. В мыслях прикинула следующий номер газеты. Первым, что пришло в голову, было поставить Колин материал о семинаре, ведь там решались важные вопросы. А он в это время, возможно, уже лежал на леденящей траве, припорошенной снегом. И кто знает, молил ли о нашей помощи или нет?

Хоронили с отпеванием в Михайло-Архангельской церкви (ведь его дед был священником). Коля любил говорить об этом.

Через полгода после его смерти я, Саша Раевский, Витя Бокин, Валера Червяков, Юра Осадченко и Борис Васев ездили на кладбище. На припорошенный снегом памятник положили живые гвоздики. И они как-то по-особому заиграли на необыкновенно белом, не похожем на городской, снегу. Прилетела маленькая, кругленькая юркая птичка. Что-то прощбетала и, взяв крошку хлеба, взметнулась нам нами. Затем закружили и другие птицы. Прилетайте сюда почаще, пойте ему песни, ведь он их до конца не допел.

Александр РАЕВСКИЙ,
член Союза писателей России

НАВСЕГДА ОСТАЛСЯ ЖИВЫМ

Прошел год со дня трагической гибели поэта. Много или мало? Лично для меня достаточно, чтобы осознать, что его уже не будет никогда, но слишком мало, чтобы осмыслить его место и роль в моей рядовой судьбе - очень еще все свежо и больно. В данном случае строка Есенина "большое видится на расстоянии" верна как никогда.

О Николае Николаевском достаточно еще будет написано воспоминаний друзей и собратьев по перу, надеюсь, напишу и я, но сейчас не готов, а отделяться подобающими случаяю казенными фразами не хочу. Сказать, что он был талантливый, умный, добрый - значит не сказать ничего. Да, он был талантлив, но чтобы удостовериться в этом, читателю необходимо самому глубоко окунуться в творчество поэта; да, он был умен, эрудирован - это знают те, кто общался с Николаем Михайловичем, кто имел наслаждение проводить с ним время в неторопливых беседах... Доброта его была не приобретенным, а природным, естественным качеством. Он органически не мог таить обиды и зла, его лояльное отношение к человеческим слабостям и подлости простиралось до божественного всепрощения: душевное одиночество, неурядицы в личной жизни, безденежье - ничто не могло поколебать его любовь к людям, к жизни, к творчеству. Его не-

однократно били и грабили на улице, обворовывали дома; на мои возмущения по этому поводу он лишь горько улыбался: “Что с них взять, старик, - нищие духом...”

Журналистика была его профессией, поэзия - призванием. Он был замечательным газетчиком, недаром редактор газеты, в которой он работал последние годы, до сих пор не может найти достойную замену. О поэтическом пути Н. Николаевского много говорить нет необходимости, скажу лишь, что творчество его - заметное явление в кузбасской литературе, ждущее пристального изучения и достойного признания. Но это дело времени.

Николай был первым литератором, с которым я познакомился в еще незнакомом и чужом мне городе Новокузнецке, куда судьба забросила меня из новосибирской деревни. Было это в таком далеком теперь 1975 году. Не помню точно, когда и где мы встретились, но помню, что сразу почувствовал в нем отзывчивого человека, настоящего поэта. Даже своей внешностью он как-то успокаивал, располагал к себе: немного полноватая, мягкая фигура, глуховатый голос, внимательно-добрый - немного искоса - взгляд, постоянно, однако, сосредоточенный на чем-то своем, внутреннем, глубоко сокровенном... Мы подружились. Он был весьма фотогеничен: временами казался похожим то на фельдмаршала Кутузова, то на Пьера Безухова, то на добродушного Черчилля, то на незабвенного киноактера Евгения Леонова... Бывало, я подтрунивал над ним по этому поводу, на что он лишь разводил руками: мол, что ж тут поделаешь... Но это чисто внешние впечатления, а свой внутренний мир он знал только сам и душу раскрывал не каждому.

Я приехал к нему за несколько дней до несчастья. Он был весел, возбужден и, не дав даже поздороваться, прямо в коридоре начал читать мне из сборника Павла Васильева “Соляной бунт” начало “Песни о гибели казачьего войска”. Держа книжку в левой руке и жестикулируя правой, восклицал: “Какая сочность, старик, какие яркие русские краски!..”. Стали читать поочередно, вслух. Когда я собрался уходить, Николай вдруг сразу погрустнел, о чем-то задумался и про-

тянул мне сборник: “Возьми на память, тебе он должен быть близок”. Я с недоумением спросил, что это еще, мол, за прощальные дела, на что он ответил своим обычным “все нормально”, хотя видно было: что-то его тревожит, угнетает... Неужели предчувствовал?

...В гробу он лежал умиротворенный, ровный, словно бы умытый всевышним небесным светом. Жизнь крайне редко одаривала его счастливыми минутами. Уютный и домашний по натуре, он так и не познал в полной мере радости простой человеческой любви и покоя на этой холодной негостеприимной земле. Пусть хоть там ему будет получше.

Он был первым, с кем я здесь познакомился и подружился. Выходит так, что я оказался первым, кому он прочел свою последнюю вещь (поэму “Больше, чем хохол”) и последним, кому он сделал прощальный подарок. Если во всем этом усматривать некий знак судьбы, то что бы он значил, я не знаю. Знаю лишь то, что Николай Николаевский навсегда остался в моей памяти живым.

Я всегда могу поговорить с ним, стоит только закурить да снять с полки “Соляной бунт”...

МОЛЧАЛИВЫЙ РАЗГОВОР

Николаю

Мы русской тоской наливались
И сернистой водкой “Спецназ”.
А в городе псы надрывались,
И мир обходился без нас.
Собаки в полночных кварталах,
Откуда их столько взялось?
Зачем в наших душах усталых
Торчит беспричинная злость?
Мой друг! Мы надолго зависли,
В дыму сигаретном сошлись,
И в наших рифмованных мыслях
Сомнений клопы завелись.
Покамест у моря погоды
Мы ждали и грелись кружком,

Надежды и лучшие годы
К чертям унесло кувырком...
Беспечно деньки обрывая,
Не жаждающая рангов и благ,
Мотались мы в мерзлых трамваях,
Ютились с квадратных углах;
Приверженцы гордого духа,
Лишь с небом клялись говорить! -
Какая иллюзия, друг мой!
Веками земные цари
Бичом беспощадным и длинным,
Исчезнуть страшась без следа,
По сумрачным смертным долинам
Гоняют людские стада,
Но тщетно! И времени ветер
Легко, равнодушно и в срок
Сжигает короны и плети,
Стирает гробницы в песок...
А мы не владыки. И даже
Не пастыри собственных тел,
Однажды пришли и однажды,
Однажды... а как ты хотел?
Мы входим в холодную осень
По просеке высохших лет,
Чем дальше, тем больше вопросов...
Один лишь отскоблен ответ:
Нет правды в раздолбанном мире.
А водка воняет жульем,
Возможно, в соседней квартире
Кавказцы штампуют ее.
На нас они сделают "бабки",
"Хузьева" нашей страны.
...На родине лают собаки
И светится череп луны.

Николай НИЧИК,
член Союза писателей России

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ В КНИГАХ

В эти майские дни исполнилась годовщина, как нет с нами Николая Николаевского.

Как тяжело в это поверить...

...Еще за несколько дней до того трагического случая я побывал в офисе компании “Кузнецкуголь”. И, спускаясь с верхнего этажа по лестнице, увидел Николая на шестом этаже у окошка, где он обычно курил. Но на этот раз он склонился к подоконнику. Чувствовалась его серьезная задумчивость. Он о чем-то размышлял... Я не подошел тогда к нему, не хотелось его отрывать от размышлений. Возможно, в этот момент рождались у него поэтические строки или он обдумывал замысел новой статьи о шахтерах.

А в это время у угольщиков действительно было беспокойно. На предприятиях постоянная митинговщина, бесконечные забастовки. Кое-где, получив небольшой аванс с последующим обещанием начальников выплатить многомесечную задолженность, шахтеры вновь спускались в забой. В других же местах, зная, что свои денежки вряд ли придется скоро выбить у вороватых руководителей, отказались подыматься на-гора, объявляя голодовки, начали даже брать директоров шахт в заложники.

Думаю, что эта тема также волновала писателя. Я не исключаю того, что в будущем он мог бы написать если не поэму о шахтерах, то цикл стихов на эту тему - это точно!

А однажды я даже посчитал, что о горняках у него уже написана поэма.

Летом 1996 года он похвалился:

- Знаешь, Николай, я закончил интересную вещь о твоём земляке...

- Поздравляю. Это прекрасно, - отвечаю ему. - А когда её можно будет прочитать? И, если не секрет, то о ком?

- Об этом чуть позже. Вот поправлю небольшие шероховатости текста...

И действительно, 1 ноября в “Горняцкой солидарности” была напечатана поэма “Больше, чем хохол”. И каким же было мое удивление, что она не о шахтерах, а о... чеченской войне!

Я тогда спросил его, что хотел он показать в образе земляка-украинца Петра Иваненко, которого “вознес сначала до героя и до подонка уронил”. Он как-то задумался, а потом, после длинной паузы, ответил: “Ты не обижайся, старик, за земляка: здесь все так, как есть. Сначала он честно работал, возводил новостройки... Но потом пришла горбачевская перестройка, развал Союза, передел собственности... А что в итоге от всего этого досталось нашему герою? Что? “Каких делов ты наворочал. А что же нажил? Геморрой...”. И след П. Иваненко поэт, казалось, потерял. Но не надолго. Он отыскался в... Чечне. Как и какая судьба его туда забросила, мы и так уже можем догадываться без слов...

Если бы знать, что тогда это была последняя моя встреча.

Близко с Николаем мы познакомились лет семь тому назад, когда он перешел в редакцию газеты “Горняцкая солидарность”. А если быть точным, то мы знали друг друга еще с начала 80-х годов, когда он работал в строительной многотиражке “Металлургстрой”, а я приносил туда вместе с корреспонденциями о плотниках-бетонщиках свои статьи, лирические этюды и рецензии-отклики на вышедшие в России книги украинских писателей. Он все это вместе с опытным редактором М. Койденко готовил к печати.

Постоянно: в редакции, на шахте, куда он приезжал за материалами для газеты, на собрании в Союзе писателей - Н. Николаевский просил меня написать что-нибудь о горняках-есаульцах. Я давал слово, что подготовлю материал. И в основном это обещание сводилось к информации в несколько строчек. Это не потому, что ленился или не хотел написать. Для хорошей, объективной статьи кроме времени необходимо собрать интересный материал. Даже если он будет положительный, то и это горняками будет восприниматься в наше время если не отрицательно, то равнодушно. И это потому, что с постоянным обнищанием людей им просто надо-

ели такие публикации в газетах, от которых нет никаких сдвигов. А если к тому еще добавить то, что на такой-то шахте регулярно выплачивают зарплату, сохраняются некоторые социальные льготы трудящимся, то это может бумерангом ударить не только по автору публикации, но и по всему шахтерскому коллективу. Это я уже достаточно испытал на себе.

Да и негативные материалы воспринимаются неоднозначно. Года четыре тому назад я в “Кузнецком рабочем” опубликовал рассказ. О шахтерской жизни. Пример взял типичный. Тем более, что за полтора десятка лет работы на шахтах каких только эпизодов не приходилось видеть, когда подвыпившие горняки показывали такие спектакли, что можно и в цирк не ходить.

Но что тогда начало твориться! На участке этот эпизод восприняли как настоящий. Некоторые даже начали собирать подписи под заявлением администрации шахты о том, что работать с автором этих строк отказываются.

По этому поводу я посоветовался с Николаем. Он хотел побывать на предприятии, встретиться с горняками, досконально изучить ситуацию. Поначалу даже хотел выступить с публикацией в газете. Но, слава Богу, все обошлось спокойно. Директор шахты В. И. Горностаев объективно подошел к проблеме и не прореагировал на заявление “писак”. Это говорит о том, что на Николая можно было положиться в любую минуту. Он всегда приходил на помощь.

А скольких начинающих авторов он поддержал в начале их творческой жизни! Встречался с ними, делился секретами поэтического мастерства. К нему тянулась талантливая молодежь. И он шел к ней с открытой душой. Ему доверили руководить городским литобъединением “Гренада”. Но из-за известных экономических трудностей он так и не успел провести свой первый семинар.

За то короткое время жизни, что отвела ему судьба, у него вышло три поэтических сборника: “Трудный день”, “Обернуться назад”, “Круг”. К 50-летнему юбилею вышло новое сувенирное издание - “Золотое сечение”.

Мы потеряли настоящего Поэта. И это не просто слова. Он один из писателей нашего края, который является лауреатом премии “Молодость Кузбасса”.

Он любил жизнь.

Жил радостями и болями своих земляков.

Неправда, что Поэты умирают. Они долго живут с нами. Их жизнь продолжается в поэзии, в тех прекрасных делах, что они оставили после себя. Это по праву можно сказать и о Николае Николаевском. Он это заслужил.

В. БЕЛОБОРОВОДА, журналист

ЖИЗНЬ - НЕЗАМЕТНАЯ ПОТЕРЯ. ГЛЯДИШЬ, ПРОШЛА... РАСТАЯЛ СНЕГ...

Я долго не могу взяться за перо и написать тебе, Коля, письмо, сказать то, что не смогла, не успела сказать при жизни. Тяжелое это испытание - писать в никуда, но вот попались на глаза строки, что вынесла в заголовок, и все встало на свои места. Ты, Коля, на жизнь и на уход из нее смотрел философски просто, и уже тем ты выше нас многих. Ты дальше нас многих смотрел...

Вот этого в повседневном общении с тобой я не замечала. Ты представлялся мне рубахой-парнем, не способным обидеть ребенка и женщину окриком и неуместным словом.

Ты был всегда приветлив, опрятен и доверчив. Неизменно с сигаретой. Светло-голубые глаза в легком прищуре. Мало-разговорчив и загадочен. Такому типу мужчин я доверяю. На твои просьбы (их было, правда, немного) я всегда живо откликнулась. Твоему легкому прищуре светло-голубых глаз всегда доверяла.

С толку сбивала разве ранняя седина твоих волос. Я тебя, Коля, помню только белоголовым. Именно она, эта седина, подсказывала: “Колю я все-таки плохо знаю. В душе его идут какие-то глубинные процессы. Постороннему глазу неведомые”. И в этом Коля дальше нас, часто не с нами, а в ... над

многими из нас. Этот симпатичный парень чем-то тяготился в жизни.

И это так. Теперь я вижу это, Коля, по твоим стихам: “...не избежать большой разлуки. Уйдем - в деревья, в землю, в сны. ...Недобро помянут сыны. И с жалостью вспомнят внуки”. Ты, Коля, философски просто смотрел на свой уход из жизни. Может быть, потому, что тебе нечем было дорожить: “Обернулся - не видно родных. Обернулся - не видно живых. Обернулся - дышать уже нечем”.

...Коля, а ведь тебя должны были любить женщины. Одну из них ты мог сделать чрезвычайно счастливой. И, говорят, сделал. Ты неистово заботился о своей дочке. Ты подарил ей свое сердце, свой цвет глаз. Она - симпатичное существо. Твое продолжение. Жизнь, Коля, все-таки облако, облако белое, облако красное, облако черное, но облако.

...Я запомнила тебя танцующим (неожиданный совсем ракурс) среди братьев-журналистов. Ты отказался читать свои стихи, ссылаясь на то, что “в неподготовленном виде” ты не читаешь. Ты уважал себя и дело, которому служил. И здесь ты был философски проще и выше нас многих. Славный, голубоглазый и совсем седой парень, прощай и здравствуй в стихах и памяти нашей!

**Юрий ОСАДЧЕНКО,
член Союза журналистов России**

**“ГОРЕ БЕЗМЕРНО,
НО ПАМЯТЬ СВЕТЛА О ТЕБЕ”**

Он совсем немного не дожил до своего полувекового юбилея. Я успел только бросить горсть земли на засыпающийся полог из нескольких сырых досок его могилы. И все.

Так и остался Коля в памяти живым другом, жизнерадостным на фотографиях. Он непременно заходил ко мне прямо с автобуса, когда приезжал в Байдаевку по заданию редактора, в любое время года, и сразу же с порога:

- Угощай чаем или вари кофе!

Михалыч интересовался всем, рассматривал домашние альбомы, перелистывал мои тетради, читал свои стихи. А потом мы шли на задание - он с ручкой и блокнотом, я - с фотоаппаратом.

Николаевский писал изо дня в день, с профессиональной настойчивостью и усидчивостью, с холодной головой и жарким сердцем.

На одном последнем сборнике, подаренном мне, Коля сделал такую надпись: “На добрую память. Будем жить! Юрию от автора с пожеланием счастья, которого, к сожалению, не всем хватает...”.

Коля мог в нескольких словах сказать то самое сокровенное, чего не могли порой сказать сразу все - это была его коронка. Николаевский говорил, что в первую очередь он поэт, потому что родился им. Это было глубоким самоутверждением литературной деятельности Николая.

До сих пор у меня хранится разрисованный лист бумаги с лицами вымышленных героев, которых он очень любил вычерчивать ручкой даже на полях своего рукописного материала, телефонные номера, по которым он наверняка хотел связаться для уточнения текста. А на обратной стороне листа был напечатан текст эпитафий по моей просьбе. Их было тринадцать. Тогда Коля не знал, что самую первую строчку он написал для себя: “Горе безмерно, но память светла о тебе...”.

В последний месяц перед роковым днем его не покидало чувство раздражения, непонятной тревоги. Он много ходил, часто курил, предпочитая сигареты с фильтром. На вопросы отшучивался анекдотами. За два дня до трагедии при очередном перекуре разговор зашел о предстоящих юбилеях.

- Вот отметим их, и можно уходить, - сказал я.

- Нет, старик, - возразил он, - мне еще тридцатку надо осилить. Не все еще сделано, да и дочь со мной...

Он жонглировал зажигалкой - была у Коли такая привычка - знак понятного только для него волнения.

Мы часто ходили на улицу Мичурина за пиццей - его дочке гостинец. Бродили по улицам города. Коля его любил. И

всегда куда-то спешил. Куда?

- Не успеваю, ребята, так надо...

Такая вот жилка была в его характере.

- Коля, что случилось?

Он не хотел отвечать на наши вопросы, даже за день до трагедии. А зачем? Хотел жить, писать, творить...

“Я должен и видеть, и слышать до косточки...”. Говорил, что рукописных стихов у него на книгу. И хотел подготовить ее к марту будущего года - 19 марта ему было бы 50

Возможно, пройдет еще немного времени, и наверняка, к его юбилею появится четвертый сборник последних стихов, теперь уже с воспоминаниями о Коле его друзей.

Геннадий КОСТОЧАКОВ

Памяти Николая Николаевского

Смерти нет, как в небесах нет
тверди.

Смерти нет, как слова нет
в тиши.

Потому, знать неподвластна
смерти

Блестка лучезарная души.
Вот она, впервые сняв одежды,
Утекает в горный небосвод,
Словно дымка сбывшейся
надежды,

Словно счастья выплывший
восход.

Воля вольная, и нет предела.

Окрик где? Где выход?

Где запрет?

Воздух мирозданья вместо тела

И спокойный, вечный
веский свет!

Только все ж чего-то
не хватает?!

Думаю, но где же мысль?

Где слов

Разноликих очередь тугая?

Где созвучья чувств людей

и снов?

Где же губы, что стихи шептали?

Где же руки? Где перо и лист?

Где глаза? Где дорогие дали?

Где беспутная, но дорогая

жизнь?

Все ушло, не вызовешь на бис...

О друзьях тоску бы, о любимой,

Только сердца нет, один покой

Властвует во мне неодолимо

И по миру носит за собой.

Нет, хочу я страсти, диссонанса!

И разбиться вдребезги, но жить!

И по древу мыслью растекаться!

И любить, любить, любить,

любить.

Но пришел нежданно-нежданно

Мой обрыв, конец

с бескрайним сном,

Потому что нам любой

прохожий

Может стать голгофовым

крестом.

26.06.1998 г.

Николай ДЕХТЕРЕНКО

Н. Николаевскому

МЕДОВЫЙ ЗАПАХ

Все было в жизни, как в жизни

каждой:

Но стиходелья симфоджаз
увы, бессилен над судьбиной.

* * *

Стихи. Биографам подспорье
Узнать поэта. Но вопрос!
Ученый кот у лукоморья
Откусит любопытный нос.
Поэт - извечная загадка.
Его герой - буян, бретер,
А стихотворец наш -
над схваткой.

Мечтатель тихий, фантазер.
А этот малый - фат, кутила.
И что же, муза с ним
согласна?
Все слишком просто,
Слишком ясно
Тогда бы в стихотворце было.
Не часто схожи в мире этом
Лирический герой с поэтом.

1998 г.

Андрей ЧИТОРКИН,
журналист

МЕТЕЛИ СУДЬБЫ

Страшно и как-то пусто становится на душе, когда умирают друзья. Нисколько не преувеличиваю это последнее слово. Наш Михалыч, как привыкли мы называть Николая Михайловича Николаевского, был настоящим другом и наставником. Не только работали вместе, но и жили мы по соседству, в одном доме, постоянно бывали друг у друга в гостях. Помню, как пригласил он меня к себе первым - "приходи, поболтаем, почитаем стихи", тогда-то он и сказал мне, что пишет их. Но каковым было мое удивление, когда он показал мне свою изданную Кемеровским издательством

книжку. Он дал мне ее почитать, и я был изумлен его настоящим талантом. Многого в ней и не понял, не имея необходимых знаний, ведь было мне тогда 17 лет. Квартирка Николая Михайловича, небольшая, светлая, выходила окнами на Соколиную гору, в комнате - постоянно рабочая обстановка: небольшой столик с разбросанными бумагами, чашка недопитого кофе, рядом брошюрки неизвестных мне поэтов, кровать, шкаф, два больших стеллажа с журналами и книгами, вокруг - беспорядок. Кстати, любил Михалыч беспорядок, считал его творческой обстановкой.

Помню, как на работе его постоянно просили написать теплые слова в стихах по поводу чьего-нибудь дня рождения или юбилея, и он горячо принимался за работу и все сетовал, что в такой обстановке никак не получается. Нужна ему была какая-то ночная темнота, какой-то загадочный и страшный “Час быка” и кружечка горячего кофе. И поэтому в таких случаях писал он на лестничной площадке, в месте для курения. Писал с юмором, с пониманием. Так и повелось - стал он главным составителем всех памятных адресов, потому что лучше его никто никогда этого сделать не мог. Вспоминаю несколько строк, которые он написал мне в день рождения:

“...Он повсюду успеваает -
И учение, и труд,
Горняки его читают
И на шахтах узнают...”.

Немного лестно и в то же время как-то просто и хорошо. Да не мне судить о его таланте, я не поэт, знаю только, что таких людей, как он, после его смерти осталось мало.

У каждого человека в жизни есть незабываемые мгновения и минуты, которые потом долго хранит память. Немало таких минут было и в моей жизни. Еще учась в лицее, занимался я в студии молодого журналиста “Дебют” при редакции газеты “Кузнецкий рабочий”. Студию возглавляла прекрасный журналист Валентина Егоровна Белобородова. Неустанно мы, ее блудные чада, “грызли” тот самый журналистский “гранит” жанров с какой-то наивной верой в наше

светлое будущее. Так было и в тот день, когда читали мы в нашем небольшом молодом кружке свои “пробы пера”. И вот стук в дверь, и заглянувший в кабинет человек. Мы тотчас прекратили наши споры и обсуждения и оглянулись на этого мужчину, который был среднего возраста, в свитере и черных ботинках, с небольшой сединой на висках.

- Валентина Егоровна, - обратился он к “шеф-повару” нашей молоденькой журналистской кухни, - вы обещали нам подыскать человека в газету.

После долгих споров о том, кто должен пойти работать в “Горняцкую солидарность”, победу одержал я, хотя было заметно, что Валентина Егоровна была недовольна тем, что такой “разгильдяй”, как я, который пропускал занятия в кружке (я тогда был занят подготовкой к экзаменам), вдруг попадет в газету. Но все же моя наставница выставила меня в целом с хорошей стороны, но и не скрывала недостатков. И вот я в корректорской, в которую меня привел Николай Михайлович. Здесь предстояла мне встреча с редактором. По своей наивности и впечатлительности у меня по пути от “Дебюта” до корректорской по рукам и ногам от страха пошла мелкая дрожь. Но вот заветная дверь, а за ней, как оказалось, и мое будущее. В корректорской при острых, оценивающих взглядах на меня редактора я чувствовал себя как конь, которого осматривает покупатель. И вот пошли длинные расспросы обо мне и моих дальнейших планах. Разгоряченный, я пообещал на следующий год поступить на литфак, стараться отдавать себя сполна работе и вроде бы встретил доверие. Через несколько дней я был уже в большом солнечном и душном кабинете редакции компании “Кузнецкуголь”. Мне объявили, что я принят с испытательным сроком, и я сразу получил задание - написать об отдыхе детей в профилактории ш. “Байдаевская”. На мое первое задание мы поехали вместе с Николаем Михайловичем. По дороге я все не понимал, как можно сразу, не подготовившись заранее, задавать вопросы и брать интервью. Но Николай Михайлович меня всячески подбадривал, а я от волнения “стрельнул” у него сигарету. И вот мы в профилактории. Я задавал главврачу

свои набросанные в блокнот вопросы, а Николай Михайлович со всем вниманием наблюдал за моей беседой. Когда же мои вопросы иссякли, стал спрашивать он, а мне говорит: “Запоминай, Андрюха!”. Так и стали мы с ним ездить на задания вдвоем. Бывали не только на шахтах в Новокузнецке, но и тряслись в вагонах электричек на Осинники, Междуреченск, не раз бывали в Кемерове. Иногда ждали часами автобус или по ошибке высаживались в мороз и метель на предыдущих станциях и шли пешком. Помню, как с высоты площадки шахты “Капитальная” смотрели вниз, ели один кусок сала, дышали на замерзшие пальцы рук. А однажды, тоже зимой, поехали на завод “Стройиндустрия”. Дорогу до него нам объяснили неправильно, и мы, блуждая вокруг да около, незаметно забрели на большое болото. Оно было каким-то жутким и сказочным. Из-под расступившихся горok снега было видно что-то черное - то ли грязь, то ли земля, оттуда виднелись совершенно засохшие деревья и сучья, на них сидели огромные черные вороны...

Мне всего 23 года, но многому я научился у своих старших товарищей. Причем это были совершенно разные люди, но некоторые из них достаточно изменили мои взгляды на жизнь, мое мировоззрение, показали на себе важность возложенной на нас ответственности за дело и вообще все существующие жизненные позиции. Пожалуй, главный из этих людей - Н. М. Николаевский. С Николаем Михайловичем нас свел чистейший случай, но с того самого времени пришлось мне постоянно общаться, работать, да и просто дружить с ним. Многие люди восхищались его простотой, незыблемой любовью к жизни во всех ее, пусть даже самых тяжелых проявлениях, которая, кстати, его не баловала. Но при этом он всегда был веселым, общительным, любил пошутить, метко сострить, а при ссорах быстро отходил, возвращаясь в равновесие, а после даже извинялся. Но ссоры с людьми у него случались очень и очень редко, а в основном было противоположное - необычайная сходчивость с людьми, которых он как-то сразу умел понимать, видеть их внутренний мир.

Как, наверное, каждый русский человек, он любил жить широко, просторно:

“Жизнь создана для наслаждений.

Играем блиц,

Отстрел зеленых насаждений

И рубка птиц!”.

Именно так, а не иначе.

Любил наш Михалыч метели, особенно самые сильные, когда:

“Ветер сбивал, валил,

Сколько в нем было сил...”.

Но он, как это ни тяжело, всегда “против ветра шел” и не только против метели природной, но и против метели жизненной, преодолевал все трудности. При этом появлялось в нем какое-то необыкновенное, только ему присущее чувство печали, и тогда он начинал бодриться, шутливо кряхтеть, пить кофе и, сосредоточившись в работе над материалом, подбрасывать ручку, которая, сделав сальто в воздухе, метко попадала ему в руку. И работа у него всегда спорилась: за один день, а часто бессонную ночь мог написать две, а то и три наших газетных полосы, и редактор “Горняцкой солидарности” Валентина Захаровна Началова всегда ему доверяла, зная, что не подведет.

Однажды летом, когда редактор была в отпуске, мы поехали на объект в Байдаевку, взяли материал, а потом выпили пива и пошли купаться под Байдаевский мост. Михалыч был недоволен тем, что река была мелкой, и мы с ним зашли чуть ли не на ее середину, а потом долго загорали на берегу.

Я немного втянулся в работу и стал ездить на задания уже самостоятельно, но часто случалось, что, работая над материалом, не знал, о чем говорить дальше, и бежал к Николаю Михайловичу за подмогой. Тогда он принимал начальственный вид, но все же подсказывал, подбирал необходимое слово.

Жили мы в редакции как одна семья. Многие даже думали, что это и впрямь семья - отец, мать и сын. Так почти и было.

Если у кого-то случалось какое-то несчастье, - делили его на всех, чья-то радость тоже была общей.

Очень любил Николай Михайлович свою дочь Ксению, со стороны он казался какой-то заботливой наседкой, редко бывали дни, чтобы он ей не купил какую-то сладость, и она шутливо окрестила его “пупсиком”. Действительно, Михайлыч казался каким-то взрослым ребенком - до того он был прост, наивен и от этого часто страдал.

Много можно сказать об этом прекрасном, душевном человеке, замечательном поэте, и до сих пор не сознаешь, что его нет с нами, веришь порой в мистику, что настоящих талантливых людей призывает к себе Бог, и они покидают землю молодыми. Нельзя узнать до конца человека, но то, что видели окружающие в нем, было положительным. Считал он перед смертью, что только теперь и начинается его жизнь, настоящее творчество, надеялся он:

“...еще так долго, долго жить,

Быть любимым, плакать и смеяться

И еще дышать, и жить, и жить...”.

Борис РУДАЕВ,
корреспондент газеты “Южный Кузбасс”,
член Союза журналистов России

“..ЧТОБ ПО ЗЕМЛЕ СЛОВА МОИ ЛИСТАЛО”

Шли мы как-то с Николаем Николаевским по проспекту Курако в сторону вокзала. Справа, из глубины квартала доносился детский смех, радостный собачий брех, воронье карканье.

- Если не возражаешь, давай пройдемся дворами, - неожиданно предложил попутчик.

Миновав проход между пятиэтажками, мы увидели обычную летнюю картину: всевидящие старушки мирно беседовали на самодельной скамейке, ребяташки околшкольного и младшего школьного возраста самозабвенно играли с симпатичным кудлатым щенком, а серая ворона с вершины боль-

шого тополя шумливо покрикивала на суматошную детвору и игривую собачонку. Тут же Николай вынул из кожаной сумки блокнот и занес в него какие-то записи...

И уж потом, по истечении некоторого времени, я прочитал в газете следующие строки: “Играют дети со щенком. И догоняшки тут, и прятки... Счастливый визг. Мелькают пятки и угольком, и молоком. Завидно, видимо, вороне, но честь ворона не уронит. Лишь душу отведет в тиши, и раз, и два она пролетает, вообразив, что с ней играют смешные люди, малыши”.

Да, бывает и так: для кого-то двор - обычный участок земли между домами. А вот для Николаевского тот же земельный клочок стал источником поэтических образов. Видно, такая уж доля у поэтов: писать всегда, творить везде. И он всю жизнь так и придерживался этого неписаного правила. Ибо его творческая мастерская была везде, где бы он ни находился: в автобусе или в вагоне электрички при следовании на дачу, на огуречной грядке, в магазинной очереди в дореформенной России или на лестничной площадке офиса, в котором находилась редакция профсоюзной газеты южнокузбасских шахтеров “Горняцкая солидарность”, где он работал заместителем редактора.

Здесь, на междуэтажном пяточке он не только курил, но и творил, записывал на узком бетонном подоконнике удачные строчки, а то и целые куплеты своих стихотворений. Так что сотрудникам, проходившим в это время по лестнице, определенно везло: они были невольными свидетелями рождения новых произведений поэта.

Иногда Николай спускался к нам на третий этаж, в редакцию газеты “Южный Кузбасс”, и с ходу зачитывал строки, записанные прямо на пачке сигарет во время перекурных раздумий. Вскоре новые стихи, зарожденные в этой курилке, появлялись сначала в родной “Горняцкой солидарности”, а затем и на страницах городских и областных газет, поэтических сборников, последний из них под названием “Золотое сечение” вышел совсем недавно - в марте 1999 года.

Минул год, как осиротела “курилка” на лестничной пло-

щадке. Но друзья и соратники часто собираются здесь, в одной из его “творческих мастерских”. Дымят сигаретами, вспоминают поэта...

Павел МАЙСКИЙ,
член Союза писателей России.

ОСТАЕТСЯ СЛОВО ЕГО

В эту зиму восемьдесят второго они ввалились в прихожую моей новокузнецкой квартиры на Кирова, 10, в облаке горьковато-пахучего мороза. Неразлучные Саша Раевский и Коля Николаевский. Молодые до невозможности. Красивые до противности. Талантливые до неприличия...

Сашка в щегольской лейтенантской шинели, зеркальных хромовых сапогах и фуражке (это при 20 градусах С!), Коля - в цигейковой дохе, сбитой на затылок дорогой шапке и кашне...

Поэты!.. В глазах - черты, глянцево выбриты, запах одеколona забивает коньячные пары... Поэты!..

- Паш, мы к Геннадию Арсентьевичу на день рождения. Заодно на тебя посмотреть.

Прошли на кухню. Люся моя на стол набросала всячины, благо год в истории страны нашей что ни на есть сытый.

Коля из кармана дохи выставил на тумбочку в прихожей березовую чурочку, в нее топорик воткнутый, надпись на лезвии: “Не руби сплеча!”.

Сейчас этот Колин напоминальник у меня в краснодарской квартире на самом видном месте - ой, как пригождается!

Была у него, у поэта Николаевского, уникальная черта - увидеть важное и сообщить об этом особо, для пользы и не более. Оттого стихи его были всегда интересными. От первых в печати до последних в рукописи.

Умение быть всегда интересным поэтом выделяло Николая из многих собратьев по перу, и они это чувствовали, за это уважали...

В тот вечер, когда проскрипел хромагами на кухню старший лейтенант Раевский, когда сотрудник многотиражки Николаевский как-то бочком, но крепко устроился в углу, а мы с Люсей заняли противоположные места по другую сторону стола, как-то вдруг за пять минут было решено, что поэтов Николая Николаевского и Александра Раевского нужно срочно издавать солидными сборниками и принимать в члены Союза писателей СССР. А попасть в тот Союз было не проще, чем в членкоры Академии наук, это вам не сегодняшние союзы...

Порешили мигом, что издаваться будут они там-то, писать рекомендации в Союз будем я и Геннадий Арсентьевич (хотя в стихах не шибко "волокет"), что в приемную комиссию Ладонщикову будет звонить Юра Дудин и т. д. и т. п.

В общем, к 22-м Николаевский и Раевский были членами СП СССР на законных и честных основаниях. А когда другигусары уходили, с порога Коля деловито сказал:

- Пора к Арсентьевичу идти, а то поздновато будет, обидится "классик".

И опять морозное, с горчинкой, облако ввалилось, растаяло в прихожей. Потом ухнула подъездная дверь, провожая вновь принятых членов Союза писателей, авторов новых солидных книг.

Как проходил прием в Союз наяву, я не знаю, ибо началось мое Сарбалинское и Краснодарское затворничество, вызванное многими обстоятельствами. А так хотелось посмотреть в Колины глаза, вечно добродушно-лукавые, послушать музыку его новых строк. Увы.

Сочинительство - дело Божье. Поэты службу проходят в ведомстве духовном, соприкасаясь с мирской властью на бытовых только делах, попросту говоря, зарабатывая себе и семейству своему на кусок хлеба, желательно - с маслом.

И это прекрасно, что генералы и профессора, слесари и сторожа, студенты и пенсионеры нещадно терзают стихами бумагу, изводят жену отвратительным образом жизни, раз в неделю собираются на сходки, чаще всего именуемые литгруппой, дабы разобраться в своей гениальности и бездарно-

сти раз и навсегда, а также порешить, наконец, сколько же могут воруны и хамы управлять народом, частичкой которого они являются. Эти офицеры, инженеры, слесари и сторожа вневедомственной охраны, сочиняющие стихи... Это и есть поэты, смысл жизни которых - свидетельствовать миру, что дела их благородны, а значит - лупить в Колокол Добра и Справедливости изо всех сил, в неиссякаемой надежде быть услышанными во все времена. Одним из таких воинов духовной рати был и гражданин Новокузнецка поэт Николай Николаевский. Николай, слово которого никогда не расходилось с устремлением души, совести и чести!

Как-то в Кемерове на берегу Томи я видел такое: один талантливый поэт дал другому талантливому поэту в морду. Тот шлепнулся почти в воду. Обыкновенные граждане в такой ситуации дрались бы до безобразия. А тут - нате вам! Встает с расквашенным носом побитое дарование и говорит: - Ладно... Раз ты такой умный - на - пей! - И наливает из бутылки, забытой на момент физических действий, и протягивает оскорбителю стакан...

- И выпью, - соглашается тот.

И пьет. И через минуту подорожник для оскорбленного собрата ищет в чахлых кустах притомских. И потом обнимаются они, доспаривая до конца...

Помните, у Белова:

Ну что вы кичитесь своею женой,

Своею Конституцией куцей?

У нас, у поэтов, всемирный запой

И мало для нас Конституций!..

Или у Есенина:

Ах, люблю я поэтов!

Забавный народ...

Или у...

Именно таким “забавным”, которому “мало конституций”, и был талантливый сочинитель стихов Николай Николаевский, жизнь которого, как и у любого таланта, только начинается. Ибо теперь, на расстоянии, увидится до конца то большое, что он собой являет в кузбасской и русской поэзии.

Уверен, выйдет еще не одна книга его стихов, будут литературоведческие статьи о нем, но главное - останется слово его в сердцах читателя, как тому назначено.

Поэтическая жизнь его еще вся впереди!

Сергей НАЗАРОВ,
журналист

КОЛЕК

С Колей Николаевским (до сих пор как-то не верится, что уже почти год как его нет с нами) мы были знакомы с детских лет. Жили в соседних дворах, учились в одной школе, оканчивали литфак, правда, на разных курсах, работали в газете “Металлургстрой”. В общем, его характер мне известен достаточно неплохо. В нем несомненно преобладала, на мой взгляд, главная черта - доброта к людям, стремление помочь попавшему в беду или просто в чем-то нуждающемуся человеку. Примеров тому предостаточно множество. Чтобы не быть голословным, расскажу один небольшой эпизод.

Стоял конец июня 1979 года. Так уж случилось, что я, Саша Федоров и Коля одновременно пошли в отпуск. В то время мы с Федоровым работали в газете “Металлург Запсиба”, а Николаевский - в “Металлургстрое”. Все трое в тот период были холостыми: кто-то еще не завел семью, кто-то уже развелся...

Словом, перед нами встал вопрос: что делать? Или целый месяц болтаться в пыльном городе, или найти какой-то альтернативный вариант. Взяли пару бутылок водки, закуску и в процессе этой небольшой выпивки стали анализировать, как провести время. Предложения были самые разные: съездить в дом отдыха, рвануть в тайгу и т. д. И вдруг, кажется, Коля предложил: а не махнуть ли нам на “юга”, дикарями, как говорится, на свет посмотреть и себя показать? Предложение понравилось, финансов при разумном расходовании тоже должно было хватить дней на двадцать. Встал вопрос: куда поедем или полетим? Взяли карту, посмотрели и реши-

ли лететь в Гудауту. Город-курорт на Черноморском побережье Кавказа в Грузии, судя по карте, стоит прямо на берегу Черного моря.

И вот вся наша троица сидит в самолете, который должен взять курс на Краснодар. Вылет задержался, жара несусветная. И вдруг один мужичок, явно подшофе, с огромной плешью на голове, громогласно рявкнул: “Отправляйте машину!”. Коле это выражение настолько понравилось, что впоследствии он его регулярно употреблял в тех случаях, которые ему казались забавными.

Не буду дальше описывать, как долетели до Краснодара, как на электричке добирались до Гудауты, как отдыхали и прочее, ибо если живописать все, то получится целый бестселлер. Перехожу к тому самому эпизоду, с которого начал эту заметку.

Снимали мы комнату у местной семьи, и вот сын хозяйки, 14-летний оболтус, сразу из нас троих больше всех привязался к Николаевскому: он-то и “прилепил” ему ласковое прозвище “Колек”. С тех пор оно так и осталось за ним до конца жизни...

Итак, отдых подходил к концу. Надо сказать, отдохнули отлично, так, что в последний день пребывания в Гудауте у нас на троих осталось пять рублей (по тем временам). Подсчитали: утром перед вылетом позавтракаем, на проезд останется чика в чикю. Мы с Федоровым лежим на берегу, Коля с утра куда-то исчез. И вот он появляется с мрачным выражением лица, молча подходит к нам, стоит, не раздеваясь. Мы, естественно, спрашиваем:

- Колек, что за проблемы, почему не раздеваешься? Ведь завтра улетаем, покупайся напоследок в море.

- Старики (это было его любимое выражение), у Аркашки нет ни рубля, даже хлеба купить не на что (Аркашка - местный спившийся художник, с которым мы случайно познакомились на пляже). Надо бы дать ему пару рублей, не помирать же человеку.

Мы, конечно, в голос:

- Ты что, с ума сошел? У нас у самих, ты знаешь, денег в

обрез, а тут еще какому-то проходимцу дай два рубля. Ведь все равно пропьет.

Но Колек был неумолим. Дело чуть до драки не дошло. И ведь настоял же, пришлось, ругаясь, отдать ему эти два рубля для ханыги. Понес эти деньги Колек очень довольный. Вернулся к вечеру, сообщил, что Аркашка купил хлеба и благодарен нам за помощь.

А из Новокузнецкого аэропорта ехали мы на автобусе “зайцами”. Когда кондуктор требовала оплатить проезд, мы все трое начинали усиленно изучать пейзаж за окном. В конце концов получили сентенции типа: “такие лбы, а за проезд платить не хотят, всю совесть потеряли” и т. д. Так и доехали до Новокузнецка под подобные реплики.

Думаю, даже этот незначительный эпизод дает возможность читателю судить о характере нашего Колька. Отдавать последнее нуждающемуся - он это считал самым собой разумеющимся, даже невзирая на то, что зачастую делал это себе в убыток. Таким он и остался в нашей памяти, бескорыстный Колек, Человек с большой буквы.

Игорь АГАФОНОВ

ГРИБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Стояла поздняя осень. С ползучего неба срывался редкий снежок, городские деревья заметно полысели.

Воскресным утром я шел, поеживаясь, от вокзала по Курако. Вдруг из-за угла мне навстречу выскочил Николай. Мы были знакомы с конца 60-х. Мне попадались на глаза газеты с его стихами, бывало, сталкивались в редакции, на занятиях литгруппы, чудили на поэтических семинарах в Кемерове. Но посидеть по-дружески как-то не удавалось.

Одет он был налегке, и не вызывало сомнений, по какому поводу Коля покинул теплое гнездышко.

- Старик (обычное в те годы обращение среди журналистов), зайдём ко мне! Тоскливо что-то...

Получив согласие, он потащил меня в лавку, после чего

мы оказались в его квартире (правда, не совсем в “его”, но сейчас это не имеет значения).

Собственно, ничего другого я и не предполагал увидеть: холостяцкий кавардак меня не шокировал. Нас встретила его подруга Ольга, они тогда еще не поженились, их вполне устраивало свободное совместное житье-бытье.

Несколько глотков, нехитрый закусон, и завязался неспешный разговор. Я упросил Николая почитать стихи. Они соответствовали настроению, удивляли точным попаданием.

Крепко сложенный, по-домашнему раскрепощенный и в меру хмельной, Коля перебирал рукописи, чтобы найти лучший стих. У него еще не было своего сборника, хотя материала доставало на приличную книгу. Мы не усекли, как истощили емкости с горючим. Возникла проблема восполнения запасов, но в магазинах начинался обеденный перерыв.

Неожиданно Николай засмеялся:

- Поехали по грибы!

- По грибы? - удивился я.

- А что?

- Так снег идет!

- Ну и пусть идет. У меня есть домик за городом, рядом лес. Я знаю грибные места. Прихватим с собой чего-нибудь выпить, прогуляемся.

Нелепое по первости предложение укоренилось в сознании. Грибы, конечно, - сплошной бред, откровенный повод. Собрались за считанные минуты - и в электричку, подгадали под расписание.

Куда мы приехали, нынче ни за что не вспомню. Мимо покосившейся халупы через припадающую к земле калитку вышли к лесу. Три сумасброда - Ольга, Николай и я - топали по дырявому снежному одеялу, слегка прикрывающему пожухлую, а иногда даже зеленую опавшую листву.

Среди сосен, берез и осинки тропинки наши разошлись. Вскоре, как ни странно, я наткнулся на пенек с подозрительно высокой снежной шапкой. Смахнул ее - передо мной плотной семейкой толпились лопухи-опята. Вспыхнула ни с чем не сравнимая радость грибника. Промерзшие до основа-

ния, они смотрели гордо и непреклонно. Пришлось ломать их, как сосульки. Таких переростков оказалось довольно много, и мой целлофановый пакет быстро наполнился ими.

Заметно стали спрессовываться ранние сумерки. Надо было возвращаться домой. Начал звать своих спутников: “Ольга, Коля!”. Никто не откликнулся. В сердце прокралась тревога. По своим следам поспешил к исходной точке. Наконец выбрался из пологого оврага. Впереди на бревне сидел Николай и зорко всматривался в даль. Он так ушел в себя, что ничего не слышал, и походил на мудрого орла, внимательно озирающего округу. Я приблизился к нему:

- Здорово! Кричу, кричу, а все напрасно. Надо бы к станции прибываться.

- Да, скоро электричка, - вздохнул Николай.

А тут и Ольга нашлась.

У них в квартире делились впечатлениями от поездки. Хозяин чаще прежнего впадал в задумчивость. Внутренняя сосредоточенность, отрешенность были ему присущи всегда.

Прощаясь, он тихо сказал:

- Спасибо, старик! Наша вылазка по грибы удалась на славу.

На другой день опять превратились в неудобоваримое месиво. Их пришлось выбросить.

Зато в душе запечатлелась бесценная и незабываемая картина о Николае Николаевском.

25 марта 1999 г.

* * *

Николаю Николаевскому

Куда ты, Коленька, забрел?
В какую дверь не достучался,
Орлиный взгляд и сам орел,
Не надо мной летишь ли часом?
Извечный проклятый вопрос,
Когда в пути теряешь друга,
Плечом к плечу, и нету стос,
С косою рядом смерть-хапуга.
Не скажешь ей, что ты поэт,

Что так с поэтами негоже,
Лежишь, оплакан и отпет,
На скорбном и несладком ложе.
Но нам смириться не дано
С невосполнимою утратой,
И дует ветер ледяной,
И траур ходит бородатый.
Горит отчаянья печать,
Не покидает сожаленье,
Что без тебя мне отмечать
Приходится твой день рожденья.

22 марта 1999 года.

Валентина ТИМОФЕЕВА,
журналист

ОЗАРИЛ НА МГНОВЕНЬЕ ПЛАНЕТУ

С Колей Николаевским я познакомилась в 1975 году, когда пришла работать в многотиражку “Металлургстрой”. Он выделялся из всего коллектива: красивый, галантный, немного похож на Есенина. Работал он увлеченно, много писал. Материалы шли в номер прямо “с колес”. Время было такое - пусковые объекты строящегося Запсиба сдавались один за другим.

Из Кемерова на базе нашей многотиражки работала выездная редакция газеты “Кузбасс”, выпускались “боевые листки” с броскими призывными заголовками. Несмотря на такой напряженный ритм работы, Коля (а тогда ему было 26 лет) находил время писать стихи. И мы, коллектив редакции, были его первыми читателями, рецензентами и редакторами. С годами стихи его становились лучше, принимали глубокий смысл. Год от года мужало, крепло его дарование, от стиха к стиху ясней и выразительней становился его поэтический голос. Мы радовались его успехам, первым опубликованным стихам в местных газетах, в журнале “Огни Кузбасса”, первому сборнику.

Коля прошел, исколесил, досконально ориентировался во всестроящихся объектах Запсиба, давал с пусковых объектов живой материал, много писал о строителях, со многими был в дружеских отношениях. На его глазах рос, менялся и хорошел, набирая силу, Запсиб. В работе был надежен, на него всегда можно было положиться. В критические моменты, когда нужно было сдавать номер, а материала не хватало, выручал Коля, извлекая из своего неиссякающего блокнота нужные сведения. Любое задание он всегда выполнял в срок. Статьи писал деловые, краткие, освещая самую суть, слова подбирал точные, меткие. Действительно, словам тесно, а мыслям просторно. Он был каким-то неземным. Замкнутый, редко шел на откровенные разговоры, никогда не жаловался на судьбу, хотя в личной жизни у него не все хорошо складывалось. Когда ему было плохо, он ходил по коридору редакции, напевал или насвистывал мелодию песни “Не сыпь мне соль на рану”. Единственным близким и родным для него человеком была дочь Ксюша, которую он очень любил и заботился о ней.

В его открытом, ясном взоре отражены присущие ему черты - сознание своего достоинства, гордость. Он избегал ссор, со всеми ладил. Мы его любили и уважали, тяжело переживали его утрату. И рады, что среди многоголосого хора кузбасских поэтов будет звучать и голос нашего друга, коллеги Николая Николаевского.

В заключение хочется сказать словами кузбасского поэта Евгения Буравлева:

...Поэты

Сгорают дотла, как кометы,

Только росчерком света

Озарив на мгновенье планету.

Михаил КОНЕВ,
редактор газеты “Южный Кузбасс”

ТАЛАНТ, ДАРОВАННЫЙ ПРИРОДОЙ...

С Николаем Михайловичем я познакомился примерно десять лет назад совершенно случайно. Был скромный банкет в честь 60-летия редактора многотиражной газеты треста “Кузнецкметаллургстрой” Михаила Койденко. Поговорили, покурили вместе. Тогда и узнал, что Коля, будучи сотрудником этой газеты, пишет стихи.

Более близкое знакомство продолжилось в начале 90-х, когда мы с ним стали работать в одной “коробке” - 9-этажном здании компании “Кузнецкуголь”. Николай - заместителем редактора профсоюзной газеты “Горняцкая солидарность”, а я - редактором многотиражной газеты “Южный Кузбасс”.

Частенько общались за перекурами, говорили и о поэзии. На мой вопрос о его личных секретах стихосложения Николаевский, как правило, отшучивался, но однажды сказал: “Миша, у меня нет никаких секретов. Строчки, рифмы, образы рождаются в душе и сердце. Мне их остается положить на бумагу...”.

Честно говоря, не верилось, что это так. Считал, что просто надо уметь рифмовать строки. У нас ведь немало именно таких “поэтов”, готовых выдать стих по любому поводу. Николаевский, к счастью, не из такой пишущей братии. Поэтический талант ему дарован природой. Когда говорят, что поэтами рождаются, а не становятся, то это о нем, о Коле Николаевском.

Была у Николая Михайловича одна очень положительная черта - скромность, составная часть его повседневной жизни. И еще - доброта. Он всегда был готов помочь человеку, попавшему в беду. Даже малознакомому. Помню один случай, когда Николаевский поселил в свою 2-комнатную квартиру именно такого мужчину, нуждающегося и в уходе, и в куске хлеба. И за две недели, как говорится, поставил его на ноги, помог уехать к родным, живущим в другом городе. А

ведь в этой квартире жили еще жена и дочка, которые стойко переносили эти “причуды” мужа и отца.

...Рано ушел из жизни Николай Михайлович. Он мог бы написать еще немало светлых и добрых стихов. Не дописал, не дожил... Мы, его друзья и коллеги по перу, всегда будем помнить этого скромного и доброго человека, оставившего заметный след в поэтической истории не только родного для всех нас Новокузнецка, но и Кузбасса.

**Даниил МАЛЫШЕВ,
горный инженер**

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Н. НИКОЛАЕВСКОГО.

21 мая 1998 года я узнал о том, что погиб мой друг Николай Николаевский. Не верилось, что не стало такого одаренного поэта. Трудно было представить его в гробу - но факт сжал мне сердце. Еще более сжалось мое сердце, когда дочь Николая Михайловича уткнулась мне в грудь и плакала горькими слезами. Она знала наши отношения с ее отцом. И когда в день похорон я подошел к дому, где жил Николай, четырнадцатилетняя его дочь Ксюша сказала мне, какая у них квартира. Постояв в оцепенении тяжелых чувств утраты, я поднялся в квартиру...

И вот минул год с того времени. Но память трехлетнего общения - с середины марта 1995 по май 1998 года - все более отчетливо вырисовывает штрихи образа поэта Николаевского.

В первую же встречу в газете “Горняцкая солидарность”, куда я принес свои стихи “На смерть В. Листьева” и “Гибель молодых новокузнецчан в Чечне”, я увидел обаятельного немногословного человека.

Николай прочитал мои стихи, сказал, что возьмет их, но с условием - сократит. Затем он попросил меня рассказать немного о себе.

Помню, как тогда он проводил меня до лифта шестого этажа компании “Кузнецкуголь”, где размещается редакция,

и, показав мне один из своих последних сборников стихов “Круг”, подарил мне его с автографом и со словами: “Малышеву Даниилу от автора в честь нашей дружбы. Я преклоняюсь перед Вашей судьбой”. Сборник стихов Н. М. Николаевского с его автографом и фотографией в артистически приятной позе привлек мое внимание. И от встречи с ним осталось очень приятное впечатление. Он взял тогда мои стихи, пообещал мне позвонить.

Дорогой в автобусе № 7, пока я доехал до Запсиба, прочел сборник стихов Николая. Они мне очень понравились.

На следующий день в моей квартире зазвонил телефон. Это был Николай Николаевский. Он сказал, что в следующем номере газеты поставит мои стихи, правда, в сокращенном виде. Он прочел мне стихи и спросил: “Ну как, согласен?”

Я ответил: “Вам видней. Вы же признанный поэт”.

Так в “ГС” появились мои первые стихи. С тех пор я начал печатать свои стихи в “Горняцкой солидарности”. Я часто приезжал в редакцию, каждая встреча с Николаем Михайловичем доставляла мне много удовольствия и была как праздник. Эти встречи навсегда сохранятся в моей памяти. Его общительность, внимательность и чуткость были для меня просто воодушевлением. И я писал ежедневно стихи. Но, читая их, Николай советовал мне: “Пиши как можно короче”. Этот урок, как говорится, пошел впрок.

Редактор газеты Валентина Захаровна Началова и ее заместитель Николай Михайлович приветливо здоровались со мной, усаживали за свободный стол и, при своей постоянной занятости, находили время для беседы со мной...

Николай Михайлович брал у меня стихи в рукописи. Однажды он посоветовал мне заняться лирическими стихами. Я увлекся, и действительно они у меня получались несколько лучше других. Так были опубликованы стихи о шахте “Есаульская”, “Береза золотая”, “В тайге утром”...

Николай Михайлович чувствовал и понимал душу шахтера, с ним было приятно и легко встречаться, сотрудничать.

Помню последний с ним разговор перед его смертью, со-

стоявшийся в мае 1998 года. Я посетовал на свои беды, в ответ услышал: “Приходи как-нибудь, увидимся, поговорим”.

Но встретиться с живым Николаем Михайловичем больше не пришлось. 20 мая я собрался ехать к нему со своими стихами. Но, увы, предстояли похороны...

Д. МАЛЫШЕВ

Николаевскому Н. М

Вот так вот в жизни - смерть неожиданна...

К тому ж еще в расцвете лет.

Погиб Михайлыч - друг желанный,

Кристалльно чистый мой поэт.

Его стихи я вновь читаю

И вдумываюсь в их слова.

Им жить и жить - я точно знаю...

Они бессмертны навсегда.

Стихи мне в душу проникают

И вдохновляют, и зовут -

Они, как журавли, летают.

Стихи жизнь новую несут.

**Николай ЗОРИН,
ветеран труда и спорта**

ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ!

И на самом деле, я недаром вынес в заголовок эти слова из знаменитой песни о герое-космонавте Ю. А. Гагарине, который первым в мире покорил просторы космоса. Они вполне подходят к поэту, журналисту Николаю Михайловичу Николаевскому.

Кто бы мог подумать, что 50-летие со дня рождения Николая придется отмечать лишь воспоминаниями о наших встречах, совместной работе, сотрудничестве в шахтерской газете “Горняцкая солидарность”? Так мало понадобилось времени, чтобы познакомиться и подружиться с Николаевским.

К этому времени я уже был ветераном с сорокалетним ста-

жем работы на шахте им. Димитрова и, конечно, имел хорошие контакты с руководством, начальниками участков, бригадирами, лучшими производственниками, профсоюзными активистами.

В 1994 году нашей шахте исполнилось 60 лет. Весь коллектив готовился достойно отметить этот юбилей. В то время на шахту по заданию редакции приехал Николай. Он должен был собрать материал для будущей брошюры, которая посвящалась 60-летию шахты.

Редактора газеты "Горняцкая солидарность" я знал с тех пор, когда еще Валентина Захаровна Началова во время отпуска редактора нашей многотиражки "Уголь Кузбасса" выпускала ее. Николаю Михайловичу она посоветовала зайти ко мне, надеясь, что я ему помогу.

И вот состоялось наше первое знакомство. Правда, Николай приехал в неудобное время - шахтеры находились под землей. И я посоветовал ему приехать на следующий день во время пересмены рабочих. Он так и сделал. А к этому времени я уже договорился с бригадиром проходчиков Н. Ф. Бабий, что он даст Николаевскому интервью.

За неделю Николай Михайлович побывал на всех участках шахты, беседовал с начальниками, передовиками производства, ветеранами, главными специалистами... В результате - через некоторое время вышла в свет брошюра под редакцией Началовой и Николаевского.

Позже Николай Михайлович благодарил меня за оказанную ему помощь в сборе материала.

Отличительной чертой его характера была привычка не отказывать в просьбе нуждающимся. Ярким примером тому служит исключительный случай в наших отношениях. Трагически погиб знаменитый шахтер В. Д. Белоусов. Нужно было дать некролог. Сделать это поручили мне. Я срочно в отделе кадров взял данные о нем, сходил к родственникам за фотографией и все это понес в полиграфкомбинат, где верстался очередной номер "Горняцкой солидарности". Когда я пришел, газета уже была сверстана.

- Выручай, - говорю Николаю, - нужно срочно поставить

некролог.

- Да ты что, - газета готова.

- Помоги мне, пожалуйста, - настаивал я.

И Николай понял меня, дал в газету некролог.

И так всякий раз, когда нужно, он приходил на помощь. За это мы его уважали.

**Татьяна НЕГОДА,
журналист**

ТЫ СТИХИ ЛЮБИШЬ?

Я уже не помню, когда и при каких обстоятельствах мы с Колей познакомились. Вроде бы сто лет друг друга знали. Он, кажется, зашел в мой кабинет и просто спросил: “Ты стихи любишь?”. Я вежливо согласилась, хотя поэзию всего лишь изучала в школе да пару раз открыла томик Ахматовой. А Коля воодушевился, засверкал синевой есенинских глаз и начал читать. Я примолкла, ожидая скуки. Но стихи Коли оказались настоящими - в них была и страсть, и боль, и ненависть, и любовь...

Потом приключилась легкая дружба - Николай добывал мне новости, а я размещала их в своем “окне” на полосе. Он был легким человеком, умел пошутить, иногда весьма уморительно. Как-то попросила его заменить в информации заголовки, драйва, мол, нет в прежнем. “Драйва, - задумался Коля, - усмехнулся. - Будет драйв!

Зачеркнув, надписал новый заголовок: “Ельцин, едрена мать, Россия погибает!”.

Думаю, что из-за гибели российской он бывал зол. Правда, таким я его видела редко. Светлый он был человек. Добрый, искренний. И, как многие поэты на Руси, рано погиб.

Галина ИВАНОВА,
искусствовед

ОН ЖИЛ СТИХОМ И ДЛЯ СТИХА

“Вальс Грибоедова”... Так уж случилось, что при имени Коли Николаевского именно этот его стих всплывает прежде всего в моей памяти. 79 - 82 годы - время наших с ним частых встреч, разнообразных общений. Первая встреча - рабочая комната музея искусств. Вечер. К нам гости: Сергей Шутов, Василий Галыгин, Николай Николаевский. Николай пришел к нам, видимо, впервые. Все много и шумно говорили, а он был молчалив, бледен, внимательно слушал. Он умел внимательно слушать. Именно с этой встречи и стал он частым гостем музея. А интерес к живописи, искусству у него был всегда. Metallургов, 3, - прежний адрес музея - это было рядом с домом Николая, да и наличие у него телефона благоприятствовало общению. Часто звонил, консультировался, например, писал стихи о саде metallургов, о всем нам известных гипсовых композициях, ему хотелось в мельчайших деталях узнать, кем и как они создавались, как гипс держится, на каком каркасе, как действие времени переносится этим хрупким материалом. Позвонит, выяснит несколько вопросов, молчание, и вновь звонит, и следующие вопросы. Эта доскональность, основательность изучения предмета приятно подкупала, а ведь в стихе лишь одна крошечная фраза об этом: “гипсовые уродцы”.

В этот период он приносил мне все свои рукописи, почерк - не образец каллиграфии, но я как-то разбирала и перепечатывала все одним пальцем.

Долго печатала, но он терпеливо ждал, а мне импонировали его стихи, их философский настрой, умение отходить от мелких частности, и поэтому я стучала и стучала его тексты... “Набрeдая” на строки, которые мне казались далекими от совершенства, я звонила и настойчиво просила изменить, отказывалась печатать этот вариант и наталкивалась на его тактичный ответ, что он убежден: “написано так”. Я долгих споров не затевала, а печатала свой вариант, не со-

мневаясь, что так значительно лучше. Прошли годы, и мы встретились с ним и вернулись к этому эпизоду. Я, будучи уверенной, что его стихи этого периода с моими правками, признаюсь в своих “вольностях”, а он мне: “Я все знаю, я восстанавливал свой вариант”. Мне всегда думалось, что он мало работает над словом, ленится, и я с “педагогической” настойчивостью внедряла эту мысль. И все-таки я очень ценила общение с ним. В период, о котором я пишу, у меня осталось впечатление, что он очень компетентный человек. Немногословный, умеющий слышать и осмысливать услышанное. Творчески не завистлив, не помню, чтобы он о ком-то говорил зло, не помню, чтобы он лицемерил. У меня сохранилось впечатление, что он был очень естественным и обаятельным человеком. Его хотелось слушать, с ним хотелось говорить. Он не вел двойную, тройную жизнь. Он был таким, каким был, это не так уж часто встречается.

Мы вместе проводили дни рождения друзей, свои. Ходили на встречи в дом к Кармановым, вместе готовили и осуществляли с С. Шутовым проект “вселенского” (в масштабах города) творческого вечера в кафе “Юность”, где и перезнакомились многие интересные люди.

Николай всегда был в стихах, много знал наизусть, он жил стихом и, наверное, для стиха, хотя с большим интересом относился ко многому. Например, в наши встречи у его, наверное, самого близкого друга, Виктора Бокина, смотрели слайды по С. Дали, по тем временам большая редкость, М. Шагалу, И. Басху. В беседе создавалось ощущение, что этот материал ему известен, проработан. И такие ощущения возникали часто, по самым неожиданным вопросам. Мне, кажется, что в обыденной повседневности это был очень неприспособленный человек.

Из тех, кто капиталов не наживает, но свет духовности от него исходил. Горько, что так быстро, трагично завершилась его жизнь.

Эдуард ГОЛЬЦМАН,
член Союза писателей России

СЕРЕБРЯНОЙ СТРОЧКОЙ

С Колей Николаевским я познакомился весной 1977 года в букинистическом магазине на улице Кирова, у детской библиотеки. Николай находился в дружной, шумной группе молодых поэтов (В. Бокин, А. Раевский и др.). Встреча посвящалась Неделе детской книги. Николаевский читал свои новые стихи приглушенным голосом, как бы чуточку стесняясь:

Просыпаешься резко и странно,
Словно год или век миновал,
Словно был уже мертвым и старым,
А ребенком еще не бывал...

Помню, у меня дух перехватило. Вы только вдумайтесь - поэту в ту пору было 28 лет! Лермонтовский возраст... Стало грустно. На ум пришли слова Самуила Маршака: "Не прочтите себе судьбу! Слово имеет магическую силу", И - правда... Через 5 лет после той памятной встречи вышел первый его сборник - "Трудный день". Как символично! Жизнь у Николая оказалась трудной и быстротечной не только в стихах! Еще одно подтверждение слов Маршака, обращенных к юным пророкам.

Были и другие встречи. В своих стихах Николаевский размышлял о проблемах, о судьбах своих ровесников. Его лирические стихи, крепко сколоченные, насыщены стремлением делать добро, защищать от зла. Поэт был в тревоге за судьбы мира на Земле:

Я выжил из ума.
Спуститься ниже?
Моя душа - тюрьма.
Я болью сердце выжег.
Все умерли... я выжил.
Я выжил из ума!

Мне приходилось выступать с Николаем в детских аудиториях, и всегда я замечал в глазах ребят огоньки восторга. Голова поэта уже была запорошена ранней сединой - он страдал эту седину каждой серебряной строчкой...

**Валерий ТОЛСТИХИН,
резчик по дереву**

...В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ

Судьба свела меня с Николаем Николаевским в начале 70-х годов. И хотя я не принадлежал к литературным кругам, но встречи с Николаем происходили в основном именно там.

Память возвращает ко многим событиям прошлых лет.

Описывать наши поездки или посиделки не считаю нужным. У каждого, кто знал Колю, осталось свое доброе, за это я ручаюсь.

Вместе прожитое само собой всплывает в сознании. Ведь мы с ним никогда не ссорились и ничего подобного и неискреннего не происходило. Мне с ним было легко и просто, истинный брат Христианин. Счастье, когда в жизни выпадает знать, общаться, быть товарищем с добрым человеком, а если еще и талантливейшим поэтом - вдвойне.

Месяца за два до его смерти была случайная встреча в городе. Я впервые решил показать свои стихи Николаю. Договорились встретиться на его дне рождения. Пришел слишком рано, Николая еще не было дома. Решил, что нетактично в день рождения утомлять товарища неизвестно еще чем, приду в следующий раз.

Следующего раза уже не было и не будет никогда в этой жизни.

Люди не умирают, а только освобождаются от брэнного тела, осуществляют переход. Люди, не верующие только в земной жизни, после смерти тела все становятся верующими.

Николай для меня жив!

Май 1999 г.

10 p

Коллективный сборник
Редактор В. З. НАЧАЛОВА.
Фото Н. БАХАРОВА.
Компьютерный набор
Л. Е. КУЛЕШОВА, Н. Ф. ХОЛСТИНИНА.
Корректор Н. Д. ЗЕЛЕНОВА.

ЛР 071762

ОАО "Новокузнецкий полиграфкомбинат"
654005, г. Новокузнецк, ул. Орджоникидзе, 11.
Сдано в набор 12.05.99. Подписано в печать 19.05.99.
Заказ 3727, тираж 150.

5/4

1р4

ОТДЕЛ
ВНЕШНЕГО
СВЯЗЕЙ

20

**ЦБС им. Н. В. Гоголя
г. Новокузнецк**

13842100117981